

Пётр Никитич Ткачёв

Что же теперь делать? (без илл.)

(Статьи с сайта saint-juste.narod.ru)

Пётр Никитич Ткачёв (1844—1886) — деятель российского революционного движения, публицист, теоретик «якобинского» направления в народничестве. Из семьи мелкопоместных дворян.

В 1861 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, сразу принял участие в студенческих противоправительственных волнениях, за что был арестован и содержался два месяца в Кронштадтской крепости. В 1862 г. начал выступать в различных журналах, сдал экстерном экзамены и получил диплом кандидата права, не посетив ни одной лекции; участвовал в студенческом кружке, близком к «Земле и воле». В том же году вновь арестован и спустя два года приговорен к трем месяцам крепости за хранение прокламации Н.П. Огарева «Что нужно народу». В 1865 г. вышел на свободу, стал сотрудником журнала «Русское слово», а в 1866 г. — сотрудником журнала «Дело», сменившего закрытое «Русское слово», где публиковал рецензии, критические статьи на литературные, философские и юридические произведения, статистические очерки, в которых максимально откровенно (насколько позволяла цензура) проводил

социалистические идеи. Работал в подпольной группе И.А. Худякова, арестован по «каракозовскому делу». В 1867—1868 гг. вместе с бывшими каракозовцами организовал революционную коммуну «Сморгонская академия». Зимой 1868—1869 гг. принял участие в студенческом движении в петербургских высших учебных заведениях, вместе с С.Г. Нечаевым возглавил его левый фланг, ориентированный на создание революционной организации для поддержки ожидавшегося крестьянского восстания. В марте 1869 г. был арестован из-за причастности к выходу прокламации «К обществу», спустя два года был приговорен на «процессе нечаевцев» к 1 году и 4 месяцам тюрьмы и по отбытии срока был сослан на родину, в Великолуцкий уезд Псковской губернии. В декабре 1873 г. при содействии кружка «чайковцев» бежал за границу.

В эмиграции быстро разошелся с большинством русских революционных эмигрантов, придерживавшихся пропагандистских и бунтарских (бакунистских) идей. Вместе с группой русско-польских эмигрантов с конца 1875 г. в Женеве издавал журнал «Набат», выступая с позиций бланкизма. В это же время участвовал в создании глубоко законспирированного «Общества народного освобождения», налаживавшего связи с «якобинцами» в России. В 1880 г. участвовал в потерпевших провал попытках перевода типографии «Набата» в Россию и сотрудничества с «Народной волей». Вероятно, все эти неудачи и упадок революционного движения в России после гибели Исполнительного Комитета «Народной воли» в 1881 г., а также крайне бедственное материальное положение Ткачева способствовали развитию у него органического заболевания головного мозга. В конце 1882 г. он оказался в больнице для душевнобольных, где и пребывал до дня смерти.

Опубликовано в книге: Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Том III. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.

Комментарии научного редактора: Роман Водченко.

Пётр Ткачёв

Что же теперь делать?[1]

За последние годы наше революционное движение несколько раз меняло свой характер и свое направление. Революционеры начали с конца 60-х годов спланировать в более или менее централистическую, боевую организацию, стремиться к непосредственному осуществлению революции в ближайшем настоящем: они верили в *подготовку* народа к перевороту, верили в свои силы и действовали сообразно с этою верою. Потому их деятельность имела направление *непосредственно-революционное*, а не мирно-подготовительное. Делать революцию и делать ее как можно скорее — таков был их девиз. В начале 70-х годов по причинам, о которых мы не раз уже говорили в нашем журнале[1], это непосредственно-революционное и централистически-организационное направление деятельности наших революционеров существенно изменило свой первоначальный характер. Среди революционеров появилось множество частью искренних, частью лицемерных скептиков и неверующих, начавших убеждать молодежь, будто наличные силы и средства наших революционеров совершенно недоста-

точные для проведения революционного переворота, будто народ совсем неподготовлен к нему и что будто потому всякие попытки к его непосредственному осуществлению должны быть признаны за вредные и преждевременные. Революционеры не должны тратить на них свои силы, т. е. они должны сойти с непосредственно-революционного пути своей деятельности и должны заняться исключительно одним лишь *подготовлением возможности для осуществления революции в более или менее отдаленном будущем*. Как самые надежные средства для приготовления этой возможности, молодежи рекомендовались мирная социалистическая пропаганда среди народа, устройство лавочек и артелей и пр. При этом провозглашалась полная свобода *личной и кружковой* инициативы и проповедовался крестовый поход против всякой централистической организации с разными *исполнительными и распорядительными* комитетами во главе.

Под влиянием этих внушений и этой проповеди революционные кружки, действительно, в значительной степени дезорганизо-

вались, обособились, и их деятельность из деятельности непосредственно-революционной преобразилась в деятельность чисто подготовительную, мирно-пропагандистскую. Девиз прежних революционеров — делать, революцию и делать ее как можно скорее — заменился девизом «не делать революции, а идти в народ и развивать его ум, воспитывать его чувство».

Само собою понятно, что это «хождение в народ» должно было окончиться полнейшим фиаско. Мы *первые* указали в свое время на неизбежность этого фиаско, мы *первые* (в заграничной прессе, разумеется) заклинали молодежь сойти с этого губительного антиреволюционного пути и снова вернуться к традициям непосредственно-революционной деятельности и боевой, централистической революционной организации. И наш голос не был голосом вопиющего в пустыне. Основные принципы нашей программы стали в настоящее время (и в этом торжественно созналась сама правительственная власть) основными принципами деятельности всех честных и искренних революционеров. В чем в самом деле со-

стояли эти основные принципы? К чему мы звали нашу революционную молодежь?

Мы говорили ей (говорили, начиная с самого основания «Набата»), что народ готов к революции и что ей нечего заботиться о подготовке его к ней. Чуть только она освободит его от тяготеющего над ним *страха* перед *властями предержащими*, и он встанет, как один человек, и сметет одним мощным движением своих ближайших экономических и политических врагов и эксплуататоров. Поэтому непосредственная задача революционной партии должна заключаться в скорейшем ниспровержении существующей правительственной власти. Осуществляя эту задачу, революционеры не *подготавливают*, а *делают* революцию. Но для того, чтобы осуществить ее, говорили мы, революционеры должны, сомкнувшись в боевую централистическую организацию, направить все свои усилия к подрыванию правительственного авторитета, к *дезорганизации* и *терроризации* правительственной власти. «Чтобы превратить народ из *возможной* революционной силы в *действительную*, из *возможного* рево-

люционеру в *реального*, мы (т. е. революционное меньшинство) должны первоначально расшатать, ослабить, уничтожить гнетущий его политический строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство» («Набат», № 2-3, 1876). Иными словами, — мы приглашали молодежь сойти с пропагандистского пути и стать на путь непосредственно-революционной деятельности, т. е. деятельности, направленной к непосредственной дезорганизации и терроризации правительственной власти.

Таким образом, боевая организация революционных сил, дезорганизация и терроризация правительственной власти — таковы были с самого начала основные требования нашей программы. И в настоящее время требования эти стали наконец осуществляться на практике. О мирной пропаганде, о хождении в народ с педагогически-нравственными целями уже и помину нет. Современная деятельность всех или, по крайней мере, огромного большинства наших революционных кружков исключительно направлена лишь к подготовке и совершению таких револю-

ционных актов, которые имеют свою ближайшую, непосредственную целью дезорганизацию и терроризацию правительственной власти. Каждый из этих революционных актов (здесь нам нет надобности снова, перечислять их: они у каждого на виду[II]), взятый сам по себе, представляет уже не *подготовление*, а *начало* осуществления революции. Да, *революция* началась.

На этот счет не может быть никаких сомнений. Само правительство торжественно созналось в этом, объявив всю Россию на военном положении. Революция началась, началась с того момента, когда мы, революционеры, бросив ложный путь мирной пропаганды, вернулись к деятельности непосредственно-революционной, выразившейся в ряде вооруженных сопротивлений, демонстраций, бунтов (в Ростове-на-Дону[4]), казней царских палачей, сыщиков и предателей. Революция не совершается в один день, в один час. Потому с представлением о революции никак нельзя отождествлять представлению лишь о том заключительном революционном акте, которым упраздняется существующее прави-

тельство. Этим заключительным актом оно обыкновенно упраздняется только *по-видимому*, в сущности же оно упраздняется постепенно целым рядом революционных фактов, предшествовавших и подготовивших заключительный факт. Иными словами, каждый из этих *предшествующих* фактов знаменует собою начало революции.

Вот почему мы и утверждаем, что в настоящее время революция в России уже началась... Скептики и неверующие, так еще недавно убеждавшие молодежь в невозможности скорого пришествия революции и упрашивавшие ее ждать, терпеливо ждать, ждать десятки, сотни веков этой «желанной гостьи», должны теперь посыпать головы свои пеплом и... замолкнуть. «Желанная гостья» пришла... и от нас, от одних только нас зависит удержать ее. Она явилась к нам скорее, чем боязливые и разочарованные люди желали и надеялись. Но как скоро она к нам пришла, так же скоро и даже еще скорее она может и уйти от нас. Революция началась, но она может быть остановлена, уничтожена, загублена в самом начале. Путь, на который мы

постоянно призывали молодежь и на которой она, по-видимому, решилась теперь окончательно вступить, путь непосредственно-революционной деятельности, — это путь крайне скользкий, крайне опасный; чтобы твердо удержатся на нем, чтобы не пятиться назад, не сворачивать в сторону, чтобы смело отпарировать удары врагов, не падать духом и не разочаровываться от неудач (на которые, особенно на первых порах, мы должны рассчитывать), для этого теперь уже совершенно недостаточно одной личной энергии, личной инициативы, личной предприимчивости или поддержки ограниченного кружка приятелей и т. п. Нет, тут нужна совокупная, вполне солидарная деятельность, взаимная помощь и поддержка всех наличных революционных сил. Мы вступили в открытую, решительную революционную борьбу с существующею государственною властью, т. е. организованною и строго дисциплинированную армию солдат, чиновников, сыщиков и жандармов. Чтобы выдержать эту борьбу, чтобы остаться в ней победителями, мы должны собрать все свои силы и противопоставить организа-

ции — организацию, дисциплине — дисциплину. Враждебная нам армия с систематической последовательностью и с неуклонною настойчивостью стремится уничтожить с корнем революционную партию в России. С точно такою же систематическою последовательностью, неуклонною настойчивостью должны и мы стремиться *дезорганизовать, терроризировать и уничтожить* с корнем существующую государственную власть.

Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь! Как ее, так и нас должна воодушевлять только *одна* идея; как у нее, так и у нас должна быть только *одна* цель; как она, так и мы должны действовать по *одному* общему плану, подчиняясь *одному* общему руководству, не разбиваясь по сторонам, ни на минуту не упуская из виду нашей основной задачи. Почти все различные фракции, не исключая даже самых крайних анархистов, сознали уже теперь необходимость централизованной и дисциплинированной организации. Почти все революционные акты последнего времени были вызваны и санкционированы распоряжениями и прокламациями каких-нибудь «распоря-

дительных», «исполнительных», «центральных» и иных «комитетов»[5]. Очень может быть, что и большинство случаев «комитеты» эти имели чисто фиктивный характер. Но уже одно то обстоятельство, что революционеры всех оттенков и фракций чувствуют потребность прибегать к такого рода фикциям, служит ясным доказательством справедливости [кон]статируемого нами факта. Вступив на путь непосредственно-революционной деятельности, молодежь не замедлила убедиться в необходимости централизованной организации с распорядительными и исполнительными комитетами; так что в настоящее время доказывать эту необходимость *теоретически* не представляется уже никакой надобности; теперь нужно стараться только о том, чтобы она нашла себе на практике возможно полное и широкое удовлетворение. Только при сильной, строго дисциплинированной, разумно централизованной организации непосредственно-революционная деятельность получит то единство, ту систематичность, ту целесообразность, без которых она не может рассчитывать на успех. Недо-

статочно, чтобы организация обхватывала лишь некоторые отдельные революционные кружки, недостаточно, чтобы кружки организовались только временно, для совершения того или другого частного революционного акта. Нет, необходимо, чтобы она распространилась на все действующие наличные революционные силы, чтобы она имела не временный, а постоянный характер, чтобы те организационные узы, которые налагают на себя революционеры в видах успешнейшего осуществления того или другого определенного революционного предприятия, не распались и по окончании этого предприятия. В противном случае, в их деятельности не будет никакой ни систематичности, ни последовательности; она будет иметь какой-то беспорядочный, лихорадочный, перемежающийся характер. А при таком характере она не в состоянии будет достигнуть своей цели — терроризировать, дезорганизовать правительственную власть. Чтобы достигнуть этой цели, чтобы действительно терроризировать и дезорганизовать правительство, необходимо наносить ему удары с систематическою по-

следовательностью и неуклонным постоянством, так, чтобы оно не имело времени ни вдуматься, ни придти в себя, ни собраться с силами. Сколько бы личной смелости, энергии и отваги ни проявилось в тех или других революционных актах, но, если эти акты не связаны между собою никакою общою руководящею идеею, если они имеют более или менее случайный характер, если их разделяют большие промежутки времени, если они обуславливаются не какою-нибудь общою системою, не вытекают из какого-нибудь общего плана, а являются просто лишь как результаты чисто личной инициативы, личной предприимчивости, индивидуального каприза и т. п., — они никогда не будут иметь того революционного значения, которое они должны бы были иметь: правительство терроризируется и дезорганизуется не столько *силою и смелостью* наносимых ему ударов, сколько их *систематичностью и последовательностью*. Революционеры, искренно преданные делу революции, не должны ни на минуту забывать этой истины. Но для того, чтобы удары, нанесенные ими правитель-

ству, отличались тою систематичностью и неуклонной последовательностью, о которой мы сейчас говорили, для этого необходимо, чтобы все активные революционные силы сплотились в одну строго дисциплинировавшую и централизованную организацию, чтобы все они действовали по одному общему плану, шли по одному и тому же пути, стремились к одной и той же цели... Только при этом условии и может быть с успехом осуществлена та непосредственно-революционная деятельность, к которой стремится теперь наша революционная молодежь. Но к несчастью в настоящее время условие это, хотя и не отрицается теоретически, но на практике далеко не всегда соблюдается.

Последние аресты в Петербурге, Киеве и Харькове[III] ясно указывают на отсутствие всякой разумной организации в значительном числе революционных кружков, ставших уже на путь непосредственно-революционной деятельности. И на этом новом пути они оказались настолько же дезорганизованы, насколько были два-три года тому назад, в период «подготовительной пропаганды» и «хожде-

ния в народ». В одном из предыдущих №№ «Набата» мы указывали уже на те вредные, губительные для нашего дела последствия, к которым привела эта дезорганизация так называемых «пропагандистов» и «народников». Прежде, чем они успели приступить к своей деятельности, как уже большинство из них попало в руки правительства, а те, которые не попались, были вынуждены вернуться вспять. То же самое, по-видимому, начинает повторяться и теперь по отношению, по крайней мере, к некоторым кружкам. Чуть только они приступили к непосредственно-революционной деятельности, как большая часть из них была раскрыта правительством и притом с легкостью и быстротою поистине изумительною. Там, где правительственные агенты искали одного-двух, они находили обыкновенно пять-шесть, а иногда и более; тут же в квартирах людей, за которыми давно уже следила полиция, находили склады запрещенных книг, оружие, адреса и т. п. Арест каждого человека влек за собою аресты многих, потому что сейчас же обнаруживалось, что и эти многие его знали и он их знал. Несмотря

на беспощадную облаву, устроенную правительством против всех сколько-нибудь «подозрительных людей», революционеры с паразитической беспечностью продолжали жить по несколько человек в одной квартире, устраивать у себя более или менее многочисленные сходки, держать при себе запрещенные вещи, совершенно открыто видеться между собою и т. п. Члены как одного и того же кружка, так и различных не только все знали друг друга, но и постоянно между собою сносились; благодаря этому обстоятельству, они сами, против воли, наводили полицию на следы своих товарищей и приятелей. Но хотя члены одного и того же кружка и члены многих кружков находились между собою в отношениях знакомства и приятельства, их деятельность не обнаруживала большого согласия и единства; вследствие этого несколько предприятий, имевших, по-видимому, все шансы на успех, окончились самым прискорбным фиаско и повлекли за собою аресты почти всех лиц, принимавших в них участие. Эти неудачи и многочисленные аресты могут в ближайшем будущем весьма плачевным об-

разом отразиться на душевном настроении нашей революционной молодежи; они могут повлечь за собою преждевременное и совершенно напрасное разочарование и снова вызвать к жизни реакционные элементы революционной партии.

Вот почему теперь более, чем когда-нибудь, необходимо всем искренним, преданным делу революционерам сплотиться в тесную организацию, дисциплинированную, иерархическую, подчиняющую личную инициативу общему руководству, вносящую целесообразность и единство в деятельность всех своих членов. Только при такой организации может быть с успехом и с наименьшей затратой сил достигнута наша ближайшая и *в настоящее время наша единственная задача* — задача терроризировать и дезорганизовать *правительственную власть*. Только такая организация может оградить личную безопасность революционных борцов, только она может дать нам возможность отомстить; нашим палачам за наших мучеников-героев, за наших дорогих братьев и товарищей; только с ее помощью в состоянии мы будем удерживать

жаться на том пути непосредственно-революционной деятельности, на который вступила теперь лучшая и наиболее энергическая часть нашей молодежи. Организация как средство, терроризирование, дезорганизирование и уничтожение существующей правительственной власти как ближайшая, насущнейшая цель — такова должна быть в настоящее время единственная программа деятельности всех революционеров (без различия фракций), таков должен быть их mot d'ordre, девиз их знамени. «И сим знаменем победиши!».

Примечания

Статья «Что же теперь делать?» была напечатана в № 3-5 «Набата» за 1879 г. и перепечатана в «Ораторах-бунтовщиках».

[^^^]

См. статьи «Революционеры-реакционеры», «Минута настала» и «Жертвы дезорганизации революционных сил» в **Ткачев П.Н.** Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Том III. М., 1933. В этих работах Ткачев дает следующую характеристику революционному движению: 1863 и 1869 годы были пиками организации революционных сил, когда революционеры ожидали восстаний крестьян на почве их недовольства положениями крестьянской реформы. С провалом этих надежд и ослаблением организаций на первое место в революционном лагере выдвинулись умеренные силы. Они выступили с критикой начал организации, нелегальности и политической борьбы и призвали к постепенной подготовке себя и крестьян к всенародной революции. Эти идеи мирной пропаганды и занятия науками позволили революционному движению увеличиться количественно, но ослабили его качественно, так как устранили собственно революционные идеи и организацию.

[^^^]

В статье «Новый фазис революционного движения» (<http://saint-juste.narod.ru/tkachev2.html>), написанной осенью 1878 года, Ткачев называет эти акты. К моменту написания данной статьи (декабрь 1879 года) произошел еще ряд событий: 16 декабря 1878 года народник поручик Владимир Дубровин в Старой Руссе оказал вооруженное сопротивление явившимся к нему жандармам, 25 января 1879 года в Киеве Валериан Осинский с Софьей Лешерн оказали сопротивление при аресте, 9 февраля Григорий Гольденберг застрелил харьковского генерал-губернатора Кропоткина (за то, что тот приказал казакам разогнать студенческую сходку), 11 февраля вновь в Киеве Л.К. Брандтнер и В.А. Свириденко также отстреливаются при аресте, 26 февраля в Москве Михаил Попов с двумя товарищами казнили провокатора Рейнштейна, 13 марта Леон Мирский стрелял в шефа жандармов Дрентельна, 2 апреля Александр Соловьев стрелял в царя, 19 ноября народовольцы взорвали царский

поезд под Москвой (за день до этого заряд не сработал на железной дороге под Александровском).

[^^^]

В 1879 г. в Ростове-на-Дону произошел бунт, вызванный арестом на базаре одного рабочего, бывшего в нетрезвом состоянии. Полиция, арестовав его, избила. Рабочий стал звать на помощь. Другие рабочие вступились за него и стали бросать камнями в двери и окна полицейской части, в которую отвели арестованного. Собралась большая толпа. Выломав двери, она ворвалась в часть и разнесла ее, а затем бросилась громить другие полицейские части и квартиры полицейских. Ростовские власти совершенно растерялись, и город оказался во власти толпы. Только на другой день войска, вызванные из Новочеркасска и Таганрога, восстановили «порядок». Плеханов в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении» рассказывает: «Я приехал в Ростов на другой же день после “разнесения” частей и видел все его следы. Невозможно представить себе картину более полного опустошения. В зданиях частей выломаны были полы, выбиты стекла с рамами и двери с притолоками, разрушены печи, по-

порчены дымовые трубы и крыши. И на далекое расстояние мостовая, усеянная обломками мебели, покрыта была, как снегом, мелкими клочками разорванных полицейских бумаг». При этом Плеханов отмечает, что «никто из опустошителей не позволил себе взять ничего из уничтожаемого имущества полицейских». И только ночью многочисленные в Ростове босяки устроили дебош, начав разбивать питейные и публичные дома. (Плеханов Г.В. Сочинения, т. III, стр. 191. Ср. «Ростовский бунт 2 апреля» в № 1 «Черного передела», «Памятники агитационной литературы», т. I: «Черный передел», М.—Л., 1923, стр. 173—177, и Попов М.Р. «Записки землевольца», М., 1933, стр. 163—166).

[^^^]

В начале 1878 г. группа южных революционеров во главе с В.А. Осинским к прокламациям, которые она выпускала, начала прикладывать печать с надписью «Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии». Впервые эта печать была приложена к прокламации, изданной по поводу покушения, совершенного 23 февраля на киевского прокурора Котляревского[IV].

[IV] После гибели южного Исполнительного комитета в память о нем петербургские народovolьцы стали так же именовать свой верховный орган. К ним же перешла и печать южан.

[^^^]

Зимой 1878—1879 годов в Петербурге было арестовано свыше 2 тысяч человек в связи с провалом «Земли и воли». Ткачев говорит о тех волнах арестов, которые поднимались после выполнения народниками террористических актов (см. комментарий II).

[^^^]